

Л. А. Лар

**ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ОБДОРСКОГО СЕВЕРА
РУССКИМИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.**

Рассматриваются история продвижения русских промышленников на север Сибири в XVIII—XX вв., связанная с добычей пушнины, формирование политических, идеологических, социально-экономических условий вхождения Обдорского края в состав Российской империи и его освоения. Стремительное продвижение русских промышленников в Сибирь оказало заметное влияние на накопление крупных купеческих капиталов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Обдорский Север, колонизация, межэтнические отношения, Ясачные волости.

В освоении и заселении русскими территорий проживания северных народов исследователь И. В. Побережников выделил пять этапов, отражающих историю присоединения к России земель коренного населения, административно-политического, хозяйственного и культурного освоения края [Побережников, 2005, 3—44]. Освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью. Почти две трети территории Сибири (таежная, притундровая и тундровая зоны) были мало пригодны для заселения, оставаясь сферой обитания коренного населения и местом пушного промысла.

Непригодный для земледелия и крайне суровый по климату край требовал специально выработанных многими поколениями хозяйственных и бытовых навыков, которыми обладало коренное население лесотундры и тундры, интересовавшие правительство исключительно как источник пушнины: «30—50 лет тому назад пушной товар здесь был в таком изобилии, что за штоф хорошей водки (ввоз которой был воспрещен в улусы инородцев) можно было получить соболя, стоящего 7—8 рублей, чем тобольский промышленник и пользовался», — сообщал К. Голодников [1880, 5]. Казна получала около 1/3 всей пушнины без всяких материальных затрат в виде десятинной таможенной пошлины [см.: Павлов, 1962, 134]. В связи с этим можно с уверенностью сказать: первоначальным этапом освоения Сибири была промысловая колонизация, которая приводила к взаимообогащению русских и коренного населения, представлявшего к XVIII в. несколько этнических групп со своей экономикой, языком, культурой, религиозными верованиями и т. д.

Заселение севера Западной Сибири начиналось с территории Русского Севера. Это направление длительное время служило каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов [см.: Бояршинова, 1963; Александров, 1964]. По мере продвижения и оседания в районах Севера поселенцы, безусловно, учитывали особенности географической среды, природно-территориального комплекса с характерным для него геологическим строением, рельефом, почвами, растительным покровом, животным миром, климатом, что определяется понятием ландшафта. Естественный ландшафт как природная основа процесса освоения в ходе целенаправленной деятельности переселенцев изменялся, окультуривался. Умение использовать окружающую среду в своих насущных потребностях и самим приспособиться к ней

во многом определяло успешность освоения Севера даже в самых малоподходящих районах.

Суровый климат и природа оказывали заметное влияние на хозяйственное развитие края, приводя к потерям урожая, затрудняя общение людей и перевозку грузов. Поэтому освоение этих земель шло неравномерно, порой даже стихийно. Отсюда крайне низкая плотность русского населения, количество которого было явно недостаточно для создания развитой экономической базы. Прочное освоение земель, в том числе и в зоне с неблагоприятными естественными условиями, обеспечивалось комплексным характером хозяйствования русских. Сочетание производительных и присваивающих занятий в разном их соотношении подкреплялось административно-идеологическим и военно-политическим ресурсом, что позволяло приспособиться к самой неблагоприятной среде. Тундровые и притундровые земли ненцев в хозяйственном отношении осваивались русскими мало, оставаясь сферой обитания малочисленного коренного населения и местом пушного промысла: «От Березова до Обдорска совершенное безлюдье, пустыня. Если кое-где и кочуют остяки или самоеды, то едва ли можно считать их за людей промышленных» [ТГВ, 1879, № 7, 7].

Целые поколения поморских промышленников традиционно были связаны с пушными промыслами в Обдорском крае. Как отмечал Н. С. Щукин, поиски корней большинства русского населения в Западной Сибири уводят в «Архангельск, Вологду, Тотьму, Устюг и другие северные города» [Щукин, 1869, 383]. В XVIII в. в составе переселенцев стали преобладать выходцы из центра России — Воронежской, Курской, Рязанской, Вятской и других губерний [см.: Миненко, 1995, 69]. П. Н. Павлов, проведя специальное исследование на основе таможенных десятинных книг, пришел к выводу, что основная масса пушнины добывалась и вывозилась преимущественно выходцами поморских уездов [см.: Павлов, 1965, 24].

Период XVII — начала XIX в. И. В. Побережников охарактеризовал как о б д о р с к и й, когда шел процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием [см.: Побережников, 2005, 34]. Освоение северных территорий диктовалось торговыми и промышленными интересами. Одним из важнейших стимулов продвижения русских за Урал являлась погоня за ценной пушниной, потому что «горностаи ценились чуть ли не на вес золота, в Москве продавался в розницу по 1 рублю серебром» [ТГВ, 1863, № 29, 260]. Цена мехов на мировом рынке была следующей: черно-бурая лисица — 8 руб.; соболь — 7 руб. Сибирская пушная казна давала свыше 600 тыс. рублей дохода, что составляло около 1/3 доходной части государственного бюджета: «А присылается из Сибири царская казна ежегодно — соболи, куницы, лисы черные и белые, и зайцы, и волки, и бобры, а сколько той казны придет в году, того описать не в память, а чаёт тое казны приходу больше 600 000 рублей» [цит. по: Тарасенко, 1964, 70].

Значение пушнины в хозяйстве российского правительства заставляло очень дорожить плательщиками ясака и заботиться не только о приобретении новых, но и сохранении имеющихся ясачных людей, которые «ловят много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены... Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние

меха; им носят меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль» [Марко Поло, 1956, 225].

С русскими у ненцев издавна сложились добрососедские и партнерские отношения. Традиционная этническая культура не уничтожалась, а коренное население заимствовало культуру, язык, новые виды хозяйственной деятельности, православную религию и др. Взаимопроникновение культур осуществлялось на самом простом бытовом уровне. Следовательно, перечисленные духовные факторы помогли переселенцам обрести психологическую защищенность и комфортность, способствовали формированию новых праздников, обычаев, обрядов и ритуалов. А вот со сборщиками ясака, воеводами и особенно священнослужителями, представлявшими центральную власть, ненцы долгое время находились в состоянии скрытой, а иногда и прямой вражды. Как свидетельствуют данные последних десятилетий XVIII в., не было материальных причин к тому, чтобы русское население входило в непримиримо враждебные отношения к ненцам, как и не было причин для яростной, слепой ненависти с другой стороны.

В межэтнических конфликтах территориальные претензии представителей разных этнокультурных сообществ часто были камнем преткновения. Проблемы, возникавшие между ненцами и русскими в XIX—XX вв., разрешались путем письменных апелляций к государственной власти, которая в спорных вопросах, как правило, поддерживала сторону коренного населения. Это объяснялось стремлением не только сохранить, но и увеличить численность ясачноплательщиков путем невмешательства в их внутреннюю жизнь и даже консервации их социального устройства. Естественно, что при повышении цен, ясака народ обращал свой гнев в первую очередь на предпринимателей, чиновников и местную власть. Более 200 ненцев во главе с Тыжды Елисеевым в течение четырех лет не платили ясак. Они отказывались подчиняться и проявляли свою непокорность, так что Березовская воеводская канцелярия очень опасалась бунта с их стороны и нападения на город [см.: Громыко, 1965, 47]. Известны такие случаи, как погром березовской ясачной казны, в котором приняли участие каменные ненцы вместе с европейскими ненцами из родов Вануйто и Тысия [см.: Вануйто, 2000, 6, 38]. Чуть позже аналогичное нападение совершили энцы во главе с предводителем своего рода Аседой [см.: Васильев, 129].

Наиболее известно в истории Обдорского края восстание обдорских и тазовских ненцев, которым руководил Ваули Пиеттомин [см.: Миненко, 1975, 300; Хомич, 1995, 46; Бударин, 1962, 120; Карцов, 1937, 66; Вануйто, 1995, 16]. Участники движения выдвигали такие требования, как повышение цен на охотничий промысел, понижение цен на муку и другие продукты первой необходимости, а также устранение власти князя Тайшина [см.: ГАОО, ф. 3, оп. 2, д. 1960]. По версии В. Ю. Вануйто, это восстание было сравнительно мелким происшествием по сравнению с крупными выступлениями, которые проходили на Урале. И оно не вызвало большого интереса в правительстве, так как обошлось без кровопролития [см.: Вануйто, 1995, 18].

Следует отметить, что русское правительство никогда не проводило политики прямого истребления (геноцида) по отношению к коренному населению (что нередко случалось в практике других колониальных держав и империй). По отношению к коренным народам Севера оно оставалось внимательным и заинтересованным в их развитии. Это подтверждается соответствующими рекомендациями местным воево-

дам. Вот наставление из архивного документа, адресованное в сибирские земли: «Ясак и пошлыны с ясашных людей брать, смотря по людям и по промыслам... давать в ясаке сроки насколько пригоже... выбирать с ясашных людей мягкую рухлядь (меха) ласкою, а не жесточью и правежом... чтоб тем ясашных людей от государева жалования не отогнать и тем бы их не оскорбить» [РГИА, ф. 560, д. 84, л. 161 об]. Целью политики государства было «замирение» северных народов — превращение их в исправных плательщиков дани (ясака); даже нередкие бунты обычно не сопровождались чрезмерно жесткими карательными санкциями.

В начале XVIII в. стали укрепляться опорные пункты, которые облегчали увеличение числа плательщиков налога. В процессе устройства в Нижнем Приобье российской административно-территориальной системы коренное население было включено в две инородные угорско-самодийские (по своему составу) волости — Обдорская и Куноватская. Обдорская «самоедская» волость включала полуостров Ямал, полуостров между Обской и Тазовской губами, северную часть местности, находившейся восточнее хантыйских волостей.

Ясачные волости были достаточно устойчивыми окладными и административно-территориальными образованиями. В 1823 г. губернские власти возродили институт старшины, статус и право родового управления. Волость составляли роды каменных ненцев, занимавших территорию п-ва Ямал, трех групп низовых ненцев, кочевавших по р. Ныде, побережью Тазовской губы и в низовьях р. Пур. В документах 7-й ревизии было зафиксировано 6 родов каменных ненцев, которые возглавлялись 19 старшинами, а 9 родов низовых — 10 старшинами. В материалах 9-й ревизии выделено 29 ватаг [см.: ГУТО ГА, ф. 154, оп. 8, д. 756, л. 2 об—96]. Основу ватаги составляла община, которая выступала связующим звеном между системой хозяйства и российской экономической микросистемой, между традиционной социальной системой и государственной организацией административно-фискального учета.

Первым частным комиссаром Обдорской волости стал Василий Павлович Лагунов [см.: Герасимов, 1909, 27]. В результате реформы 80-х гг. XVIII в. власть в северных уездах перешла к нижним земским судам во главе с земским исправником и заседателем, «при котором находились несколько казаков, служащих переводчиками в сношении с инородцами и постоянно в Обдорске живущих» [Белявский, 1830, 39]. Отдельным заседателем Обдорска был Дмитрий Григорьевич Скорняков [см.: Герасимов, 1909, 27].

К 1840 г. комиссарства переименовали в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в. Они должны были «состоять из головы и двух выборных и если возможно, то завести письмоводство из письмоводителя; по Обдорской инородческой управе с давнего времени и едва ли с учрежденной оной, присутствуют двое вместо головы; обдорский князь в качестве председателя и один из ближних обдорских родовых остяцких старшин по избранию обдорского князя» [ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 405.6, л. 399]. Инородным управам подчинялись старшины отдельных родов и ватаг. В конце 1890 г. была проведена очередная административная реформа. Вместо округов были учреждены уезды, которые делились на 11 волостей, среди них — Обдорская, Казымская и Куноватская.

Крупнейшим центром концентрации русского населения с начала XVIII в. становится Обдорск, куда каждый год направлялись на службу регулярно сменяемые госу-

дарственные служилые люди из Березова и Тобольска: В 1749 г. оберегали Обдорск «50 человек... при годовщике “сыне боярском” и 14 человек при пушкаре Иване Никитине» [Герасимов, 1909, 20]. Ввиду неопытности служилых людей в оценке товаров на заставу присылались «целовальники» из посадских людей, а когда был возможен водный путь, то приезжал «таможенный голова», который отправлял «целовальников» по городкам и селениям, где происходил сбор ясака. С 1754 г. потребность Обдорска в служилых людях стала увеличиваться, в том числе «с целью охраны ясачных остояков от самоедов... высылались из Березова первоначально до 150 казаков» [Там же, 20].

Создание опорных пунктов благоприятствовало промысловой и торговой деятельности на севере Западной Сибири. Вплоть до середины XIX в. основную часть пушного промысла составляли песцы, играющие роль всеобщего эквивалента. [см.: Иконников, 1864, 55]. В этот период в Обдорске получает развитие торговля с коренными народами, что вызывает рост числа русских переселенцев из купцов, промышленных и «гулящих» людей, добровольно осевших на севере. В XVIII — первой четверти XIX в. в городе, хотя численно он не вырос, происходили серьезные социально-экономические изменения. Из военной крепости он превратился в крупный для уезда торгово-промышленный центр. Тем не менее товарно-распределительные функции города были явно преобладающими. В записях Обдорской церкви за 1794 г. было официально зарегистрировано 70 дворов с численностью 728 человек [см.: ГУТО ГА, ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 3]. В 1800 г. насчитывался 871 человек, а к 1845 г. население увеличилось до 1116 [Там же]. В 1857 г. проживал 271 человек, в 1897 г. их уже было 1249 [см.: Миненко, 1975, 262].

Изменился социальный облик горожан. Разнообразнее стал состав служебных категорий его жителей — дворян-чиновников, канцелярских служителей, офицеров, солдат, казаков и духовенства, которые являлись основной социальной опорой центральной власти и проводниками государственной крепостной политики. При этом частные интересы имущей верхушки несколько расходились с казенными интересами. Углубились благотворные хозяйственно-культурные контакты между русским и коренным населением. Часть северных народов была обращена в православную веру. Однако даже новокрещенные не торопились переселяться в город. В этом убеждают материалы подушных переписей XVIII в., не зафиксировавшие среди городских жителей ясачных людей. Общий культурно-бытовой уровень Обдорска был типичным для уездного городка позднефеодальной эпохи, хотя в отдельных областях выгодно отличался от других северных городов Тобольской губернии.

На протяжении XVIII в. происходят изменения в социально-экономическом положении коренного населения Обдорского Севера. Создаются (с учетом традиционных объединений северных народов) новые фискально-административные единицы. Всю первую половину XVIII в. власти старались регламентировать действия ясачных сборщиков. Ясачной реформой 1760 г. был введен принцип породового обложения и сбора ясака. Функции сбора ясака передавались в руки князцов и старшин. Главы родов утверждались в должности губернскими властями. Комиссия 1763—1769 гг. закрепила ненецкие роды в составе Обдорской волости, подтвердив тем самым административную зависимость их от волостных хантыйских князцов Тайшиных. В начале XIX в. потребовалось новое реформирование системы ясачного сбора. С 1824 г.

стал реально работать Устав об управлении инородцев. Ясачный сбор был переведен на денежную основу. В этот же период были установлены размеры ясачной повинности и составлены окладные книги. В 1835 г. была завершена реформа ясачного обложения.

В XVIII в. ясачных плательщиков Обдорской волости было 1193 человека, войкарских ненцев — 124. В составе лесных ненцев было учтено 132 ясачных плательщика. В XIX — начале XX в. в Тобольской губернии ясак вносило 1119 ненцев каменной стороны, 1828 человек из низовских [см.: Васильев, 1979, 158, 187]. В 1851 г. всего насчитывалось плательщиков 2003 человека [ГУТО ГА, ф. 154, оп. 8, д. 756, л. 1—97] в 1858 г. — 2685 [Там же, д. 992, л. 548]. Представления о численности ясачных плательщиков из лесных ненцев в 1851 г. дают материалы 9—10-й ревизий: тогда их было 447 человек, а в 1858 г. — 305 [Там же, л. 546].

В XVIII в. у ненцев низовой стороны был единый глава — Казан Садин, с каменной стороны — Гитпад Хамин [см.: Там же, оп. 2, д. 6, л. 10; Миненко, 1975, 179]. Главной обязанностью их был сбор ясака. Князек Тайшин стремился восстановить свой статус единоличного административного лидера в Обдорском крае, но в связи с жалобами на него власти дозволили ненцам выбрать себе своего старшину. Им стал Пайгол Нырмин. К 1830 г. ненцы вновь стали сдавать ясак князю Тайшину. В 1866 г. было образовано «отдельное самоедское управление» и старшиной был избран старшина из рода Окотетто Пайвол Нырмин, а помощниками утверждены Лакури Худиных и Адер Хымданону [Там же, ф. 152, оп. 39, д. 116, л. 26]. В первой половине XIX в. русские власти при раскладке ясака руководствовались «общим согласием» старшин и «лучших людей» [см. об этом: Миненко, 1975, 182; ТГВ, 1863, № 17, 130]. И хотя эти старшины официально не наделялись правами родовых управлений, на практике они выполняли функции данного органа. Когда речь шла об интересах всего рода, принималось во внимание мнение всех его старейшин.

Группы ненцев каменной стороны платили ясак в Обдорском и Войкарском городках: «Из Обдорска ясак поступает в Березов, куда в конце января, также для сдачи ясака, приезжают и другие князцы и старшины инородческие, со всех инородческих волостей» [ТГВ, 1863, № 17, 130]. Отдельные группы европейских ненцев на протяжении всего рассматриваемого периода платили ясак за Уралом, а некоторые семьи были по их просьбе причислены на постоянное местожительство в Тобольскую губернию [см.: Васильев, 1979, 121]. Часть «низовых» ненцев, проживавших по реке Таз и между Тазовской губой и Енисеем, находились в ведении Туруханского стана Енисейского уезда.

Возраст ясачных плательщиков, как определила комиссия, 18—50 лет, но бывало, что ясак вносили и за детей, о чем свидетельствует следующий документ: «Под командою ясашные самоеды детей своих, не положенных в ясак, не только в казну, но еще 15 и ниже 12 лет, привели всего самоедцев одного человека, которые в казну его Императорского Величества нынешней (1762 г.) платили ему ясак по два, а другие на первый случай и по одному песцу белому, а впредь по промыслу и более платить также и других малолетних самоедских детей у коего найдут, объявлять желают вносить» [ГУТО ГА, ф. 154, оп. 1, д. 6, л. 10].

Сбор производился по родовому принципу, взыскиваясь с рода в целом как с «одного нераздельного лица»: «Главное отличие самоедских старшин состоит в том, что

они платят за себя ясак от 10 до 20 песцов, почему их и называют по-самоедски «Нгарка нгава мир'пэря» (человек большого ясака)» [ТГВ, 1861, № 29, 2]. В соответствии с фактом и размером уплаты ясачной подати определяется социальный статус члена рода: «По такому обычаю все, даже старики, непременною обязанностью своею считают уплачивать также ясак, ибо иначе теряют все свое влияние и право суда и разбирательства, приобретенное именно чрез старшинство лет, столь почитаемое» [ГУТО ГА, ф. 152, оп. 39, д. 5, л. 229].

Ведение учета плательщиков ясака было связано с большими техническими трудностями. Ясачные книги нередко заполнялись со слов князей и старшин, которые старались назвать меньшее число ясакоплательщиков, к тому же мужское население всячески укрывалось от сборщиков налога. Запутанность в документах приводила к злоупотреблениям как со стороны земских чиновников, так и со стороны ясачного начальства: «Ясашные начальники не имеют никакого понятия о числе ревизских душ... и вовсе не знают сроков, на которые должно вносить 74 коп... Березовское земское начальство не имеет верных именных списков о числе душ, ясак вносящих по каждой волости, и не озаботилось сделать расчленение, по какой волости, сколько с каждой ясашной души следует в год 74 коп. суммы полагаемой с ревизских душ» [Там же, ф. 154, оп. 3, д. 1211, л. 13об].

Несмотря на все мероприятия правительства, направленные на организацию сбора ясачной повинности, долги сохранялись из года в год. Из документов частных комиссаров, командированных в Березовский край, можно обнаружить причины недоплаты ненцами ясачной подати. В частности, за счет обдорских ненцев шла оплата повинностей и недоимки ясачных хантов. Приведем пример из «сравнительного расчета ясака Обдорской волости» из донесений частных комиссаров.

Так, ненцами (2057 человек по ревизии, из них 1050 ясашных) было внесено в 1820 г. из расчета 74 коп. на сумму 3208 руб. 45 коп.: песцов — 1 тыс. штук по 3 руб.; лапок — 923 штуки по 15 руб.; белок — 30 по 20 коп. Получается, что вместо 74 коп. ненцы внесли 1 руб. 55 с коп. Ханты (по ревизии 1604 человека, из них ясашных 1 тыс. человек) внесли в казну: песцов 148 по 3 руб., 260 горностаев по 60 коп. (741 чел.). Деньгами вложило 229 человек по 74 коп. — 169 руб. Всего получилось на сумму 773 руб. 46 коп. В итоге одна ревизская душа заплатила вместо 74 копеек только 42 коп. Отсюда видим, что 1 604 ханта должны были внести 1186 руб. 96 коп.: «по сему расчету казалось бы, что Обдорская волость за 1821 г.. сумму заплатила, напротив, оказывается, что за 2-ю половину еще не внесено. Сих денег следует за 3661 душу — 1354 руб. 64 коп. Пени считать по 15 февраля — 54 руб. 16 коп. Всего 1408 руб. 80 коп.» [Там же, ф. 154, оп. 1, д. 6, л. 15].

То, что ненцы внесли за 10 ясашных по песцу на «отвоз ясака» в Березов и по 3 лапки песцовых за «подводную гоньбу», частные комиссары так и не обнаружили в книге. Как они считают, «все эти беспорядки и злоупотребления происходят чаще от князей, а большею частью от земского начальства» [Там же]. В конце XVIII в. был введен сбор подушных денег на различные расходы, размер которого продолжал увеличиваться. Земские повинности были одновременно и натуральными: работы по устройству и ремонту дорог, содержание подвод и квартир для проезда. «На основании общих государственного узаконения ясашных народы в Сибири сверх ясака должны платить деньгами в казну с каждой ревизской души: подушных по 44 коп., на

устройство государственных дорог по 25 коп. и на составление капитала водных сообщений по 5 коп. Всего 74 коп. в год» [ГУТО ГА, ф. 154, оп. 1, д. 6, л. 13].

«Между тем сама справедливость заставляет меня, — пишет в своем рапорте частный комиссар Булычев в защиту ненцев, — просить всепокорнейше Ваше превосходительство обратить милостивое внимание Ваше на самоедов Обдорской волости, они, уплачивая ясак и все подати вперед за год, напрасно состоят в общей недоимке по Обдорской волости и платят штрафные деньги» [Там же, л. 15]. Из опасения потерять выгоду от ясачных сборов власть более внимательно относится к жалобам коренных жителей, препятствует их закабалению, наказывает людей, уличенных в жестоком обращении и обмане.

В конце 1863 г. старшиной ватаги карачейского рода Илбадой Седевом было подано прошение на имя Его Императорского Величества разрешить сдавать ясак не хантыйскому князю, а прямо в государственную казну из-за притеснений со стороны князя Тайшина [Там же, ф. 152, оп. 39, д. 116, л. 12]. Частный комиссар в рапорте обратился с просьбой в Тобольскую комиссию, чтобы «самоеды были отделены от остяков в ясаке и в прочем сборе. Самое время сбора взноса того и другого у них неодинаково, самоеды приезжают в Обдорск на ярмарку и платят ясак и все поборы вперед за целый год в январе каждого года. Напротив, остяки протягивают часто до августа или сентября, а за 74-копеечную сумму накапливается пени, в коей и самоеды, будучи в составе одной волости, должны понапрасну» [Там же, ф. 154, оп. 3, д. 1211, л. 4].

Ясачные платежи и различные сборы оставались весьма ощутимыми и в XIX в.: «Ясак, платимый в казну инородцами, весьма незначителен, именно с годного работника причитается, с остяка 85с коп., губернские и земские повинности с крещеного, ясака 2 руб. 27с коп., всего 3 руб. 13¼ коп., а с некрещеного, ясака и повинностей 3 руб. 58¼ коп.; с крещенных и некрещенных самоедов ясака и повинностей 3 руб. 58¼ коп» [ТГВ, 1878, № 18, 3]. В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью, однако вплоть до начала XX в. сбор осуществлялся пушнинной.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М. 1883.

Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1963.

Вануйто В. Ю. Бунтари Обского Севера // Мир Севера. 2000. № 6.

Вануйто В. Ю. Народное восстание 1841 г. // Пробл. администр.-гос. регулирования межнац. отношений в Тюмен. регионе : ист. опыт и современность. Тобольск, 1995.

Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М. 1979.

Васильев В. И. Проблемы этногенеза северо-самодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII веке : (рус. население и земледел. освоение). Новосибирск, 1965.

Герасимов В. Н. Обдорск : (ист. очерк). Тюмень, 1909.

Голодников К. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // ТГВ. 1880. № 1—52.

Иконников А. Заметки об Обдорской ярмарке // ТГВ. 1864. № 7. С. 55.

Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. М. 1937.

Книга Марко Поло. М., 1956.

- Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975.
- Миненко Н. А.* Этническая история русского населения Западной Сибири в конце XVI—XIX вв. // Пробл. администр.-гос. регулирования межнац. отношений в Тюмен. регионе : ист. опыт и современность. Тобольск, 1995.
- Побережников И. В.* Ямал в XII — начале XX в. : периодизация русского освоения // Рус. освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005.
- Павлов П. Н.* Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв.: (Сибирь периода феодализма). Вып. 1. Новосибирск, 1962.
- Павлов П. Н.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. (Сибирь периода феодализма). Вып. 2. Новосибирск, 1965.
- Тарасенков Г. Н.* На просторах Обь-Иртышья (природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964.
- Тобольские губернские ведомости (ТГВ). 1863—1879.
- Щужин Н. С.* Народные увеселения в Иркутской губернии // ЗРГО по отношению этнографии. Т. 2. СПб., 1869.
- Хомич Л. В.* Ненцы. СПб., 1995.

Статья поступила в редакцию 12.03.2008 г.